

наша свабода
2 САКАВІКА 2001 г.
№25А(112А)

Кто ответит за исчезнувших людей?

Три месяца прошло со момента скандальных отставок в силовых ведомствах страны. В конце ноября Лукашенко снял главу Совета Безопасности Шеймана, председателя КГБ Мацкевича, Генерального прокурора Божелко. С чем были связаны эти отставки? С отсутствием прогресса в расследовании «громких дел» о пропажах известных людей? Или с постоянной «утечкой» информации из силовых структур о ходе следствия по этим делам? Так или иначе, за всеми этими событиями стоят изломанные судьбы, горе и слезы. В том числе слезы детей пропавших людей. Тех людей, которые выступили против произвола и безответственности нынешней власти или просто честно делали свое дело, отказавшись от сделки с совестью.

ПОЧЕМУ УМЕР ГЕННАДИЙ КАРПЕНКО?

Загадочная смерть 6 апреля 1999 года самого реального кандидата на пост президента Беларуси от оппозиции потрясла белорусов. Невозможно было поверить в то, что человек в расцвете сил внезапно ушел из жизни. Последующее расследование и восстановление последнего дня жизни Геннадия Дмитриевича вплоть до минут позволяет утверждать, что его смерть не была случайной.

Геннадий Карпенко скончался в 7 часов утра 6 апреля в 9-й клинической больнице. Он был доставлен туда 31 марта с диагнозом «кровоизлияние в мозг». 1 апреля ему была сделана операция по удалению гематомы. Все эти дни он находился в реанимационном отделении больницы в бессознательном состоянии.

В последний день жизни Геннадий Карпенко чувствовал себя прекрасно и провел несколько встреч. За несколько часов до смертельного приступа он встречался с двумя людьми, которые представились как «сотрудники аппарата Лужкова». Впоследствии выяснилось, что таких людей в окружении московского мэра нет.

Спустя несколько часов в офисе троюродного брата Карпенко Леонида Кошеля и случился инсульт. Кстати, спустя некоторое время Кошель был арестован и находится сейчас в одной из минских тюрем. Дочь Кошеля скоропостижно скончалась в возрасте 27 лет. Еще одно странное стечение обстоятельств?

ГДЕ ЮРИЙ ЗАХАРЕНКО?

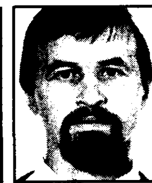

В 1996 году Юрий Захаренко был уволен со своей должности как человек, который не разделяет точку зрения президента и его окружения. Бывший министр внутренних дел пользовался огромным уважением в среде своих коллег. В конце 1998 года он, вместе с другими офицерами армии и МВД, приступил к созданию Белорусского союза офицеров.

Юрий Захаренко был похищен недалеко от дома 7 мая 1999 года. Свидетели похищения утверждают, что Захаренко был насильственно увезен несколькими мужчинами.

Жена Юрия Захаренко Ольга рассказала, что он позвонил домой около 9 часов вечера, сказал, что уже стоит возле дома и сейчас придет. После этого Юрий Николаевич пропал. Этим же вечером Ольга обратилась в милицию. Был объявлен розыск, но уголовное дело было возбуждено лишь спустя шесть месяцев. Результатов расследования нет до сих пор.

ГДЕ ВИКТОР ГОНЧАР И АНАТОЛИЙ КРАСОВСКИЙ?

Вице-спикер ВС Беларуси 13 созыва Виктор Гончар бесследно пропал в Минске 16 сентября 1999 года вместе со своим другом, бизнесменом Анатолием Красовским. Сценарий похищения был схож с похищением Юрия Захаренко. Гончар с Красовским возвращались домой, перезвонив по телефону. Чуть позже на месте похищения – улице Фабричной – были найдены осколки стекла автомобиля и кровь похищенных.

Родственники и друзья Виктора Гончара и Анатолия Красовского уверены, что их активная деятельность побудила нынешние власти похитить этих людей.

ГДЕ ДМИТРИЙ ЗАВАДСКИЙ?

7 июля 2000 года оператор белорусского корпункта ОРТ Дмитрий Завадский приехал в аэропорт «Минск-2» встретить своего коллегу — журналиста Павла Шеремета. Однако вышедший из самолета Шеремет обнаружил на стоянке аэропорта только пустую машину. С тех пор о судьбе Завадского нет никаких сведений.

Следствие по исчезновению Дмитрия проходит под такой же завесой секретности, как и расследование дел об исчезновениях политиков: прокуратура и КГБ не обнародовали ни одного факта из дела. Зато 20 ноября 2000 года независимые газеты получили письмо сотрудника КГБ, проливающее свет на то, как ведется следствие. В нем утверждалось, что Дмитрий Завадский убит и найдено место его захоронения, однако эксгумация тела не проводилась из-за вмешательства президента и его Службы безопасности. Автор письма также сообщал, что по данному уголовному делу арестовано 9 человек, из которых пятеро являются действующими офицерами Службы безопасности президента, два – бывшие офицеры «Алмаза» и еще два – чеченцы. Ровно через неделю после появления этого письма в отставку были отправлены руководитель Совета безопасности Беларуси (назначен позже генеральным прокурором) Шейман, председатель КГБ Мацкевич и генпрокурор Божелко.

«Народное правительство» под прицелом

В начале 1999 года газета «Народная воля» провела среди своих читателей опрос – каким вы видите состав будущего правительства. В версиях читателей на разных постах фигурировали и Карпенко, и Захаренко, и Гончар. Практически все, кого выбрали в состав нового правительства свободной Беларуси, подвергались за эти годы репрессиям и травле:

— Геннадий Карпенко умер при загадочных обстоятельствах;

— против Михаила Чигиря возбуждено уголовное дело, он несколько месяцев провел в тюрьме. Преследования властей затронули всю его семью;

— Андрея Санникова избили фашистские молодчики из РНЕ, которое негласно поддерживается властями;

— Василий Леонов получил тюремный срок и провел за решеткой несколько лет;

— Богданкевич, Лебедько, Ходыко и другие лидеры оппозиции постоянно преследуются. Их не принимают на работу, многие имеют на своем счету штрафы и аресты.

Лукашенко: «Я виноват и я несу ответственность за все, что тут происходит»

Первым в списке пропавших стоит генерал Захаренко. Расследование дела о его исчезновении продолжается. Однако у следственных органов нет никакой новой информации. Дело дошло до того, что свидетели похищения были найдены не следствием, а членами общественной комиссии по расследованию исчезновения Захаренко.

Были найдены люди, которые видели момент захвата Захаренко и даже описали похитителей.Однако официальное следствие эта информация не заинтересовала.

В частном разговоре с дочерью экс-министра Еленой, следователь говорил, что это дело носит политический характер.

В КГБ был направлен запрос из прокуратуры о предоставлении результатов наружного наблюдения за Захаренко. Однако ГБ ответило, что документы потеряны.

Все эти факты прямо указывают на то, что власти не заинтересованы в поисках генерала. В чем причина саботажа?

Юрий Захаренко хотел объединить здоровые силы в белорусских силовых структурах. Работа по формированию Белорусского союза офицеров шла быстро — многие не желали мириться с тем, что милиция вынуждена выполнять политические заказы властей по разгону демонстраций и преследованию несогласных с режимом. БСО был смертельно опасен для властной верхушки. Зимой 1999 года генерал выступил с обращением к сотрудникам силовых структур, где призвал их не поддерживать нелегитимного президента Лукашенко.

Сам Лукашенко, выступая в конце 1999 года, сказал буквально следующее:

— Поскольку у меня не было опоры, я знал, что рано или поздно, особенно, когда был уволен Юрий Захаренко и он начал создавать силовую составляющую в оппозиции. Или вам это неизвестно?

...Они кричат в один голос — Лукашенко виноват... Так вот, чтобы не мучались больше журналисты по поводу вот этих всех громких дел и преступлений, я хочу заявить следующее — да, я виноват, что это произошло в стране. Я, потому что — президент. И больше не ищите виновных. И поэтому я несу за это и другое ответственность в полном объеме.

Где Гончар?

Вице-спикер ВС Виктор Гончар подвергался жесточайшему прессингу властей с самого начала своей деятельности. Достаточно вспомнить его незаконный арест в марте 1999 года, закончившийся десятисуточной «отсидкой». Там Виктор Иосифович объявил сухую голодовку. В результате на два дня раньше окончания срока Гончара тайно вывезли из тюрьмы и бросили в мартовский снег без верхней одежды недалеко о дома.

В мае 1999 года Гончар, как было предписано Конституцией, организовал кампанию по выборам президента Беларуси. Кампания была сорвана властями. В июле 1999 года Виктор Гончар объявил об окончании срока легитимного президентского правления Лукашенко. Режим не получил международного признания и поныне.

О причастности властей к похищению Гончара и Красовского говорит ход расследования этого дела. Точнее, отсутствие всякого прогресса в его ходе. Как и в случае с Юрием Захаренко, свидетели и следы похищения были обнаружены родственниками пропавших. Ими были найдены осколки автомобильного стекла и пятна крови. Вызванная милиция взяла все находки на экспертизу. На этом работа следствия закончилась.

Лукашенко, чиновники и государственные СМИ неоднократно позволяли оскорбительные высказывания в адрес пропавших. Их объявляли то прячущимися на территории России, то сбежавшими за рубеж. Одновременно с этим семьи пропавших находятся под вниманием «органов» — за ними постоянно ведется слежка.

«Дело журналиста» приоткрыло завесу тайны над чередой исчезновений

Июль 2000 года. Аэропорт «Минск». Пустая машина Дмитрия Завадского – даже отпечатки пальцев кем-то тщательно стерты. Именно исчезновение журналиста, не имевшего отношения к политике, вскрыло причастность к «громким делам» сотрудников спецслужб высочайшего ранга.

Информация по делу появлялась «дозами», даже журналисты не разглашали ее по просьбе следствия. Но шли месяцы, а ситуация понятней не становилась. На главный вопрос – где Дмитрий? – ответа так и не появилось.

На 70-й день с момента исчезновения своего друга пресс-конференцию дал Павел Шеремет. Он обвинил в пропаже Дмитрия белорусские спецслужбы и лично Лукашенко.

Оказалось, что основным подозреваемым по делу проходит бывший офицер спецподразделения «Алмаз», один из лидеров белорусского отделения РНЕ Валерий Игнатович, арестованный по подозрению в убийстве нескольких человек. По версии следствия, похищение Завадского было совершено в отместку за то, что Дмитрий снял на видеокамеру Игнатовича во время командировки в Чечню, где бывший спецназовец воевал на стороне чеченцев.

Однако и тут не все так просто. Игнатович, по мнению журналистов, не мог разработать и осуществить столь хитрый план похищения Завадского только из личной мести. Человек недалекий и психически неуравновешенный, Игнатович стал орудием запугивания в руках его боссов. Еще несколько подозреваемых — сотрудники службы безопасности президента и бойцы спецотряда МВД «Алмаз». Возможно, поэтому в конце 2000 года на пост министра внутренних дел был назначен руководитель службы безопасности Лукашенко, экс-командир «Алмаза» Владимир Наумов. Он был призван погасить информацию, касающуюся участия его бывших подчиненных в криминальных делах. Однако правду уже утаить было нельзя.

Судя по событиям, которые накаляли обстановку вокруг дела Завадского, внутри силовых кланов шла война: следователи прокуратуры и КГБ, которые занимались делом, подвергались запугиваниям и избиениям.

После неоднократных «утечек» информации общественности стали известны ранее скрытые факты: то, что известно место захоронения Завадского, то, что найдена лопата со следами его крови, и то, что в похищении замешаны «силовики» из разных ведомств.

«Утечки» информации повлияли на серию отставок в руководстве силовых ведомств Беларуси. 27 ноября 2000 года Лукашенко снял председателя КГБ Мацкевича, председателя Совета Безопасности Шеймана и Генерального прокурора Божелко.

Лукашенко избавился от Мацкевича и Божелко, которые могли назвать похитителей Завадского — сотрудников службы безопасности президента и спецотряда «Алмаз». Теперь следствие передано министру внутренних дел Наумову (бывшему руководителю службы безопасности президента, экс-командиру «Алмаза») и новому председателю КГБ Ерину (также ранее возглавлявшего службу безопасности).

Лукашенко не смог оставить «не у дел» и такого человека, как Шейман. Сотрудники прокуратуры не в восторге от того, что ими руководит человек, который окончил Благовещенское танковое училище, и вместо юридической практики имеет опыт политработника. Но ближайший соратник и друг Лукашенко знает слишком много. Считается, что Шейман занимался самыми разными, но непременно тайными и скандальными делами — от «покушения» на кандидата в президенты Лукашенко в 1994 году до торговли оружием со странами «третьего мира».

Конечно, все вышесказанное нельзя относить ко всем, кто служит в милиции или КГБ. Однако меньшинство, занимающееся грязными политическими заказами и рэкетом, мажет грязью всех остальных сотрудников органов. Безусловно, что несогласие с такой политикой будет проявляться и дальше. Уже сейчас в силовых структурах идет скрытое сопротивление произволу, которое в решающий момент поможет развалу режима, рассчитывающего на слепое повиновение. В истории так бывало уже не раз. Так случится и у нас, сомневаться не приходится. И не имеет значения, носим мы военную форму или цивильную одежду.

К делу об исчезновении оператора ОРТ Дмитрия Завадского и оппозиционного политика Виктора Гончара!

Я офицер Комитета государственной безопасности Республики Беларусь. По целому ряду обстоятельств не могу сообщить свою фамилию и должность, которую занимаю. Информация, которую я хочу сообщить, общественно значима. От того, как скоро она станет достоянием гласности, зависит жизнь и будущее многих людей.

К сожалению, я ограничен в изложении фактов, так как к материалам дела имеет доступ ограниченное количество оперативных сотрудников и офицеров КГБ. Упоминание более уточненных данных может привести к неоправданным жертвам.

Ведение следствия по делу об исчезновении Дмитрия Завадского было поручено Генеральной прокуратуре и Комитету государственной безопасности. Факты, которые вскрывались по ходу следствия, вызвали не только давление на органы следствия со стороны Совета безопасности, но и вызвали противостояние между КГБ и Службой безопасности президента. На след группы похитителей КГБ вышел после ареста Игнатовича, бывшего офицера спецподразделения «Алмаз». Игнатович был арестован по другому делу, но сам он несколько раз был в Чечне, где воевал на стороне сепаратистов. Во время следствия Игнатович назвал ряд фамилий белорусских военнослужащих, сотрудничавших с чеченскими сепаратистами в качестве инструкторов. После их ареста подтвердилась чеченская версия следствия. По делу об исчезновении Завадского, на сегодняшний день, арестовано 9 человек. Пятеро из них являются действующими офицерами Службы безопасности президента, двое – бывшие сотрудники этой службы, один – бывший офицер спецподразделения «Алмаз», а еще двое – уроженцы Чечни.

Подследственные признались в убийстве Дмитрия Завадского и указали место в лесной зоне недалеко от Минска, где было закопано тело Завадского. В распоряжении следствия оказалась и лопата со слезами крови. Экспертиза выявила идентичность крови на лопате с кровью Дмитрия Завадского.

Эксгумация тела Дмитрия Завадского не состоялась. Ее не дали провести следственной группе руководство Совета безопасности и лично Президент. Вместо этого в Администрацию президента были вызваны председатель КГБ Владимир Мацкевич, Генеральный прокурор Олег Божелко и министр внутренних дел Владимир Наумов. Президент приказал передать дело в МВД, мотивируя это тем, что следствие идет недостаточно интенсивно. На самом деле, это было сделано для того, чтобы развалить дело об исчезновении Завадского.

В ходе следствия также выяснилось, что эта преступная группа имела прямое отношение к исчезновению и убийству оппозиционного политика Виктора Гончара. В их ликвидации принимало участие 14 человек. Пятеро из них разыскивались вплоть до передачи дела в МВД.

Во время следствия давление на следственную группу дошло до критической точки. Два следователя были избиты, а жену одного из них пытались изнасиловать. Но, несмотря на это, следователи продолжали работу по изобличению преступников.

Я хотел бы, чтобы семьи погибших знали – мы не звери, как некоторые пытаются нас представить. Мы сочувствуем вам и понимаем, что ничто не восполнит вашей утраты. Единственное, что в наших силах – это изобличить преступников. А если кто-то пытается этих преступников покрыть, то им самим не избежать скамьи подсудимых.

Данное письмо было получено 20 ноября 2000 года практически всеми белорусскими независимыми газетами.

Больше молчать нельзя

Наталья РАДИНА

Каждый исчезнувший человек кому-то дорог. И неведение, особенно если оно тянется годы, — страшнее трагического известия. Все эти женщины молоды, красивы, умны. И все они сегодня глубоко несчастны. В их монологах очень много многоточий. Все они надеются на то, что продолжение их жизни обязательно будет.

Елена ЗАХАРЕНКО, дочь Юрия Захаренко

— Мама стала очень нервной, плачет даже во сне... Сказывается два года неизвестности. Если бы вы знали, как это невыносимо, мучительно больно не знать, что с папой... Страшно завидовать этому, но Людмила Карпенко может хотя бы прийти на могилу своего мужа, положить цветы.

Мне не дают покоя мои сны. Я просыпаюсь от собственного крика, и даже во сне спрашиваю: «Папа, где ты?» Однажды я его видела во сне с Карпенко...

Тяжелее всех Юле. Ведь она всегда была «папиной дочкой». У нее страшный эмоциональный срыв. Еще в Минске она убегала из дому, бросала школу. Ей не стало легче и здесь, в Германии. Мы с мамой боимся ее ранить, стараемся отвлечь, не говорим при ней об отце...

Нам очень непросто жить в чужой стране среди чужих людей, которые говорят на чужом нам языке. От этого мы чувствуем себя еще более одинокими. Три женщины и двухлетний мальчик, вот и вся наша семья. Очень хочется домой, обнять близкого, родного человека, который тебя поймет, утешит... Я не хочу оставаться здесь навсегда, хотя нас окружают прекрасные люди, они очень нам помогают, сочувствуют, встречают с нами праздники. Но на чужбине тяжело даже среди очень хороших людей. Живем словно в ссылке.

Но и дома мы не могли оставаться. Там нас преследовал постоянный страх. Я боялась всего: зайти в собственный темный подъезд, того, что могут убить, избить, «случайно» собьет автомобиль... Но больше всего я боялась за своего ребенка, и именно ради него я уехала в Германию. Пускай и без мужа, которого мне так здесь не хватает. Сейчас для того, чтобы устроиться на работу, мы с мамой учим немецкий язык.

Ожидать уже нет сил. Нет желания бороться за жизнь. Надежда на то, что отец жив, затухает с каждым днем...

Семья Юрия Захаренко получила политическое убежище в Германии. Супруга пропавшего в позапрошлом году экс-министра внутренних дел и две ее дочери не собираются возвращаться в Беларусь до смены политического режима.

Вопрос про политическое убежище для Ольги, Алены и Юлии Захаренко решился за три месяца, в то время как обычно процедура растягивается на полгода. Немецкие власти посчитали, что жена и дочки пропавшего белорусского министра являются политическими беженцами и им необходимо соответствующее содержание и юридическая помощь.

Ольга Захаренко: **«Муж знал о том, что ему грозит опасность. Ему угрожали, поскольку он очень много знал о режиме Лукашенко. Как-то раз он сказал нам, что Лукашенко с удовольствием наблюдает за тем, как приводятся в исполнение смертные приговоры».**

Ирина КРАСОВСКАЯ

— То, как я живу, может понять только тот, кто оказался в подобной ситуации. Как объяснить, что не хочется жить, не волнует никто и ничто, что не можешь ни есть, ни пить, уже не можешь плакать, утром встать с постели, боишься и не хочешь выходить из дому...

Как объяснить, что ты часто не понимаешь, о чем у тебя спрашивают, не помнишь, что ответил... Любая фотография или вещь вызывает боль, которую ощущаешь почти физически. Я не знаю, жизнь ли это – скорее, существование...

Каждый день по несколько раз мысленно прохожу путь от надежды до полного отчаяния и обратно. Но, как бы ни было плохо, я обязана ради детей жить со своим горем, ходить, есть, работать. Спасает лишь то, что я не допускаю мысли о том, что с моим мужем случилось ужасное. Я все же надеюсь.

Я придумала для себя три принципа выживания. Во-первых, нельзя тратить силы на ненависть. Во-вторых, когда невыносимо плохо, надо хоть что-нибудь сделать – ну хотя бы вымыть посуду. И, в третьих, обязательно общаться с друзьями или просто приятными людьми. Я не знаю, чтобы я делала без тех, кто меня любит...

Вообще-то я не люблю давать интервью. Но сейчас я делаю это для того, чтобы люди почувствовали, что в нашей жизни происходит нечто страшное. Пока это их не коснулось так же, как и меня... Я хочу, чтобы люди поняли, что молчать больше нельзя. Нельзя закрывать глаза на то, что происходит. Я ведь тоже, как и они, не думала, что это может произойти со мной. Каждый может стать следующим.

Светлана ЗАВАДСКАЯ

— С тех пор, как пропал Дима, я не читаю газет. Очень боюсь увидеть статью, которая подорвет мою надежду на его возвращение. Все эти версии журналистов сводят меня с ума. Я и так не живу. Готова заниматься чем угодно, только бы не думать, не думать... Ложусь спать как можно позже, но и во сне мысли о нем не оставляют меня. С тех пор, как он пропал, у меня все время высокая температура. Возможно, от переживаний. Но я боюсь показаться врачу. А вдруг со мной что-то серьезное? Что тогда с сыном будет?

А ведь Юрка моя единственная поддержка. Несмотря на то, что ему всего 10 лет, он поддерживает и утешает меня. Не устает повторять, что «с нашим папой все в порядке». Говорит об отце только в настоящем времени: никогда «папа умел», всегда «папа умеет».

Он и плакал-то всего один раз – когда смотрел фильм Павла Шеремета «Дикая охота»... Никогда не спрашивает у меня: «Где папа?». Понимает, что мне больно отвечать на этот вопрос. Знаете, как Юра себя называет? «Большим мужиком в маленьком теле». И, действительно, он стал таким взрослым после исчезновения отца.

Но все-таки он маленький мальчик, которому очень не хватает папы. Каждое утро достаю из-под его подушки Димины фотографии. Говорит, что хочет, чтобы папа поспал с ним.... В тайне от меня каждый день, уходя в школу, целует Димин портрет. Ведь Дима для него был всем. Они и дня друг без друга провести не могли: вечно что-то мастерили, играли, гуляли где-то, уроки делали. И папу, в отличие от меня, Юра слушался беспрекословно. Когда Дима исчез, я боялась, что не справлюсь с сыном. Но вышло наоборот: таким послушным, как сейчас, он никогда не был.

Нам всегда было нелегко с Димой. Поженились совсем юными: мне было 17, ему 18. Когда ходила беременной, Дима был в армии. Уже тогда было тяжело. Когда его посадили вместе с Шереметом в 1997 году, я чуть с ума не сошла. Думала, что хуже уже не бывает. Оказывается, бывает, и еще как. Но я не верю, что мой муж мертв. Не верю! В конце концов, должна же у меня быть какая-то женская интуиция. А она мне подсказывает, что Дима вернется. И все будет как прежде.

Людмила КАРПЕНКО

— Я живу только мыслями о Геннадии. Больше у меня ничего не осталось. Живу только из-за своих детей и внуков. Но иногда мне кажется, что не Гена, а я должна была умереть. Кажется, что он мог бы сделать для них больше, чем я, такая...

Вот уже две недели я на «больничном»: страшно высокое давление.

Хорошо, что дети навестили. Мне так страшно оставаться одной в пустой квартире, потому что я здесь могу лишь плакать, глядя на вещи мужа. Работа, дом — и все. В магазины я теперь хожу только за продуктами, хотя раньше, как любая женщина, любила делать покупки.

Сегодня я готова посвятить свою жизнь только одному: раскрыть все обстоятельства смерти Геннадия Дмитриевича. Я знаю, что мой муж был неугоден, как неугодны Захаренко, Гончар, Красовский, Завадский... Поэтому их и нет сегодня с нами.

Я знаю, что врачам запрещали лечить Гену, что им угрожали, запугивали. Я знаю, что ему пытались подменить лекарства. Спустя полгода после смерти Геннадия с доктором, который, несмотря на неоднократные предупреждения, лечил его, случился инфаркт. А дочь владельца офиса, в котором умер Геннадий, недавно скоропостижно скончалась. Ей было всего 27 лет. Может быть, это совпадения? Но их почему-то очень много.

Я подозреваю, что мой телефон прослушивается. Многие из старых знакомых боятся даже переступить порог моей квартиры. А если и приходят, то просят меня выйти на улицу. Боятся, что и квартира на «прослушке». Очень изменилось ко мне отношение и со стороны начальства банка, в котором я работаю. Не думаю, что я смогу долго там продержаться. Это не первая работа, с которой меня вынуждают уходить.

Я не думаю, что мне стоит завидовать женщинам, у которых мужья пропали без вести. Да, я могу принести цветы на могилу мужа. Но это — все. У Ольги Захаренко, у Светы Завадской, у Зинаиды Гончар и Ирины Красовской осталась надежда. Маленькая, но осталась.

В трех шагах от рассвета

Василь ЗУБР

Очень хотелось начать словами «яркое утреннее солнце озаряло стены домов, страна блаженно пробуждалась, безмятежные белорусы...». Текст можно было продолжить следующей тирадой: «...решали, где провести уик-энд – прогуляться по городу и посидеть в каком-нибудь уютном ресторанчике или поехать за город на пикник». Но белорусская действительность не оставляет шанса даже на минуту представить себе такую картину. Поэтому я начну с другого предложения...

В окна нашей тюрьмы долгие годы не заглядывало солнце. Мы даже не знали, существует ли оно, осталось ли. А может быть, погасло навсегда в том далеком 94-м году, когда всех нас приговорили к многолетнему заключению, не объявив даже срок отсидки? Мы все шли по одной статье – статье №1 Морально-этического кодекса: «Принятие безответственного решения».

Мы все ошиблись тогда. Одни ошиблись, поставив «птичку» не в той графе, другие – не остановив первых. Так бывает. Бывает, какая-то группа людей в состоянии временного помешательства совершает безумство, проступок, преступление. На суде эти люди честно говорят: «Я был не в себе. Что-то меня подтолкнуло...». Что подталкивает всех вместе к краю пропасти? Почему в этот момент никто не слышит тех, у кого временного помешательства не случилось?

Несколько первых лет мы искали виноватых – спрашивали друг друга: «А ты, в какой графе ставил «птичку»?». И отвечали друг другу: «Не в той». Кто-то говорил правду, кто-то лгал. Но это было уже после суда.

Иногда людям для осознания своей вины не хватает пожизненного заключения. Нам хватило пяти лет. Пяти лет без права переписки. Пяти лет баланды и липкой «черняги». Пяти лет без солнца.... В этом был смысл – мы должны были осознать свою вину.

Отсидев пять лет, мы стали спрашивать друг друга: «Так сколько нам дали? Семь? Десять? Двенадцать?». Главный вертухай говорил – «двенадцать», подразумевая «пожизненное».

Некоторые сломались, пойдя на сотрудничество с руководством тюрьмы. Им стали давать двойную пайку, посылать на легкую работу. Их купили недорого. А они недорого продались. Они были уверены, что нам дали пожизненное.

Некоторых из нас выводили из камер, и они навсегда исчезали. Нам говорили, что их отпустили по амнистии, что теперь они видят солнце и живут счастливо. Но их просто убивали.

Иногда казалось, что все мы больше никогда не увидим солнечного света. Оставалось – привыкнуть, притерпеться,... Несколько лет нам вдалбливали через громкоговорители: «Вы – покладистые, терпеливые, тихие». Кто-то поверил, стал убеждать соседей по нарам: «Мы – покладистые, тихие, терпеливые». Совесть больше не стучала в их сердца. Они забыли слова «мужество» и «свобода». Их дети стали стыдиться своих родителей – стыдиться и презирать. Когда родители говорили своим сыновьям: «веди себя тихо – иначе тебя посадят», те лишь крутили пальцем у виска. Глупо бояться тюрьмы, сидя в тюрьме.

С годами тюрьма ветшала. Некоторым удавалось бежать. Большинство удивлялось: «Как ему это удалось, такому покладистому, тихому и терпеливому?».

Меньшинство пыталось убедить большинство в том, что все можно изменить – надо лишь поверить, что ты можешь, что ты сильный и гордый. Кто-то поверил, кто-то продолжал сомневаться, некоторые отказывались слышать, ведя жизнь опущенных. Они уже не воспринимали разумных слов – их волю забрал Главный вертухай. Он уже не отдавал отчета своим действиям – от злобы и переедания у него помутился рассудок. Охрана тюрьмы больше не в силах была нести свою службу – многие спились, большинство чувствовало, что скоро Главному придет конец. Делить ответственность не хотел никто. Вскоре в тюремных коридорах уже не было слышно шагов охранников...

Теперь осталось только выйти. Сделать всего три шага. Это непростые шаги. Каждый из них имеет свое имя: первый – «Совесть», второй – «Мужество», третий – «Свобода». Сделать их смогут не все, кто-то захочет остаться умирать в тюрьме – ослабевший от причитаний и отдавший свою волю вертухаю. Мы не должны бросать никого, надо помочь каждому – солнце вернет им силы. Надо только сделать эти три шага – три шага навстречу солнечному свету.

Галоўны рэдактар **Павел ЖУК**

© НАША СВАБОДА. Спасылка на газету НАША СВАБОДА абавязковая. Рэдакцыя можа не падзяляць меркаванні аўтараў, публікаваць артыкулы дзеля палемікі.
Адрас: г.Мінск, пр-т газеты «Известия», 8-173. Пасведчанне аб рэгістрацыі № 1289. Выдаецца з 25 лютага 2000 г. Заснавальнік Зміцер Жук.
Выдавец – рэдакцыя газеты НАША СВАБОДА. E-mail: NPSvaboda@irex.minsk.by Надрукавана ў друкарні УП «Мэджык»
г. Мінск, ул. Кнорына, 50. Заказ 208 Нумар падпісаны ў друк 1/03/2001 (17:00) Наклад – 200.000